

Ш. А. ШАНГИН

**ПИСЬМА АРЕФЫ—НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ПОЛИТИЧЕСКИХ
СОБЫТИЯХ В ВИЗАНТИИ 931—934 гг.**

Тридцатые годы X в. в Византии характеризуются ясно видимыми недостатками политического и общественного строя Империи. Деревенскую бедноту грабили военные и светские чиновники. Происходили восстания (см. Новеллу Романа Лакапена 934 г. и анализ памятника у Васильевского. Труды, IV, стр. 280 и сл.). Протоспафарии, стоявшие во главе фем, враждовали между собой. Суды были заполнены всякими злоупотреблениями и даже подложными документами. Народ Константинополя никогда вообще не внушал добрых надежд императору. Единства в среде духовенства не было, несмотря на акт примирения 920 г. между сторонниками патриархов Николая и Евфимия. Болгария, хотя и находившаяся под византийским влиянием после 927 г., при слабом Петре не могла обеспечить безопасности византийской границы: происходили набеги венгров и вторжения славян. Почва была благоприятной для тираннических заговоров. Узурпатор Роман при законном императоре Константине вообще не чувствовал себя уверенно. Ему приходилось проводить всюду своих сторонников и поощрять доносы.

На этом фоне внутреннего положения Империи следует рассматривать новые документы для истории Византии тридцатых годов X в., дошедшие до нас в Московской рукописи № 315.

В рукописи Московского исторического музея № 315, в числе последних по времени составления и едва ли не самых интересных по содержанию, находились два литературных произведения архиепископа Кесарийского Арефы: письмо к Григорию, митрополиту Ефеса, об избрании на патриаршество Феофилакта (f. 122, sqq.) и апологетик (f. 94 sqq.) по поводу возводимого на Арефу обвинения в участии

в тиранническом заговоре, возникшем в Пелопоннесе против императора Романа Лакапена.

Эти памятники византийской литературы проливают новый свет на внутренние события истории Византии и представляют важные дополнительные сведения о самом их авторе — Арефе.

В специальной работе Ренсимана о Романа Лакапене данные Московской рукописи отсутствуют.

1. ИЗБРАНИЕ НА ПАТРИАРШЕСТВО ФЕОФИЛАКТА

(Время патриаршества б. II. 933—27. II. 956 г.)

Избрание патриархом Феофилакта занимает видное место во внутренней истории Византии при императоре Романа Лакапене, как факт явного цезарепапизма, факт наиболее грубого вмешательства Романа в дела церкви с нарушением церковных обычаев и канонов. Византийская церковь и ее глава — патриарх Константинополя играли большую роль в политической истории. Понятно поэтому, что ни к одному избранию на патриаршество византийские императоры не относились безразлично; понятно поэтому и то, что Роман хотел поставить и поставил в патриархи своего сына — внука Феофилакта.

Еще в детстве Феофилактору была предназначена духовная карьера, Трифона только терпели на патриаршестве, пока Феофилакт не достигнет совершеннолетия, т. е. 16-летнего возраста: *μέχρις ἄν εἰς μέτρον ἡλικίας φθάσῃ Θεοφύλακτος ὁ τοῦ Ῥωμάνου υἱός, ὃν ἐμελλον πατριάρχην χειροτονεῖν Κωνσταντινουπόλεως*. Замыслы Романа, хотя и имели уже прецедент в избрании патриархом Стефана, брата Льва VI (886—893), встретили, однако, сопротивление со стороны большей части духовенства. На стороне Романа, во главе противной партии, стоял самый видный и влиятельный представитель духовенства — Арефа, архиепископ Кесарийский, первый по патриархе. И на этот раз в политической борьбе он был на стороне императора, как и раньше в склоке, возникшей вокруг четвертого брака императора Льва VI. В письме к митрополиту Ефеса Григорию, — а митрополит Ефеса в церковном ранге занимал второе место после патриарха и совместно с архиепископом Кесарийским должен был руководить выборами, — Арефа всеми средствами ведет пропаганду за избрание Феофилакта: „Я подаю голос, — начинает он письмо, — за избрание кира Феофилакта. . . , чтобы он, воспитываемый и выдвигаемый патриаршими добродетелями, в определенное ему богом время взял на себя патриаршую честь и хиротонию (Τὸν κύριον Θεοφύλακτον... ψηφίζομαι εἰς πατριάρχην, ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον

патриархикаῖς ἀρεταῖς πρὸς τῷ καιρῷ τῷ ὀφειλομένῳ αὐτῷ ὑπὸ κυρίου τοῦ Θεοῦ ὑποδέξασθαι αὐτὸν τὴν патриарχικὴν τιμὴν καὶ χειροτονίαν); другими словами, Арефа выражал заветную мысль императора и знал, что подрастающий Феофилакт, тогда уже патриарший иподиакон и синкелл, воспитывается для занятия патриаршего престола.

Выясненная письмом к Григорию партийная позиция Арефы в отношении Феофилакта дает возможность установить участие Арефы в коварном низложении патриарха Трифона. Когда, по достижении Феофилактом совершеннолетия, предложили Трифону отказаться от патриаршества, а он не согласился, то к нему, прикинувшись другом, обратился архиепископ Кесарийский (Ὁ Καισαρείας по Зонаре, Θεοφάνης ὁ Καισάριος по Глике, ὁ Καισαρείας Θεοφάνης по Кедрину) и разъяснил ему, что единственным основанием для низложения могут быть слухи о малограмотности Трифона, и посоветовал Трифону в присутствии собора дать полную патриаршую подпись. Когда же тот это сделал и попросил первопрестольного (т. е. архиепископа Кесарии) показать подпись императору, первопрестольный приделал к подписи грамоту об отречении. Так был устранен Трифон. Участие архиепископа Кесарии в подлоге не подлежит сомнению, но в это время архиепископом Кесарии продолжал быть Арефа (см. письмо к Григорию Ефесскому). Но тут возникает затруднение, как согласовать имя Феофана с именем Арефы. Нужно считать имя Феофана вторым именем Арефы, принятым в монашестве (см. еще об этом ниже в примечаниях к апологетику, 70—72). И не какому-нибудь Феофану, а всего вероятнее, Арефе принадлежало прозвище χοίρινος, сообщенное Гликой и Кедринном: оно исходило от врагов Арефы, которого современники основательно считали сторонником многобрачия; это прозвище могло быть также ответом противников Арефы на памфлет против Хиросфакта (см. Византийский сборник, 1945, стр. 236—241). Намерение Романа сделать патриархом Феофилакта встретило отпор. Хотя некоторые писатели и сообщают нам, что после низложения Трифона, исключительно за несовершеннолетием Феофилакта, патриарший престол пустовал в течение семнадцати месяцев — с 931 по 933 г., но так как Трифон был удален единственно для того, чтобы предоставить место Феофилакту, то мы должны объяснить перерыв в замещении престола длительной борьбой церковных партий, причем Роману пришлось обратиться за содействием к римскому папе Иоанну XI (см. Theoph. Cont. 421, 422; τοποτηρητῶν ἐκ Ῥώμης ἀνελεθόντων καὶ τόμον συνοδικὸν ἐπιφερομένων περὶ τοῦ αὐτοῦ χειροτονίας διαγορεύοντα οἱ καὶ патриарχικῇ θρόνῳ τοῦτον ἐνίδρυσαν, а также Cedr. II, 313—315; Leo Gramm. 322; Symeon Mag. Ann.).

745). Об этой же задержке в выборах заключаем мы на основании письма Арефы к Григорию, что он (Арефа) держится неизменно своего мнения о патриаршестве Феофилакта, и после многих споров (*καὶ μετὰ πολλὰ*). Во всяком случае хиротония Феофилакта состоялась 6 февраля 933 г. (Чин этой хиротонии записан Константином, *De saeret*, II, с. 38). На патриаршем престоле Феофилакт был послушным орудием своего отца и даже после низложения Романа в 944 г. занимался интригами с целью восстановить на царство Романа. Самого же патриарха церковные дела занимали мало, его страстью были лошади. Ради конюшен патриарх оставлял церковную службу, ездил верхом, душил лошадей духами и погиб от ушиба при падении с лошади. Что же касается Арефы, то Феофилакт плохо вознаграждал его за хлопоты по избранию: карьера Арефы кончается в первые годы патриаршества Феофилакта. Интересно, наконец, отметить, что в одном месяцеслове, составленном вскоре после смерти Феофилакта (рукопись Московского исторического музея № 4, XII в.), под 27 февраля отмечается, правда, *μνήμη* этого патриарха, но без всяких титулов *ἁγίος* или *ὁσίος*, а просто: *μνήμη Θεοφιλάχτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως* (f. 278).

Новые материалы об избрании патриархов, и в частности об избрании Феофилакта, дает письмо Арефы к Григорию Ефесскому.

Проф. И. И. Соколов в работе „Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV в. (843—1453)“ (Христ. чтение, 1907, март — июнь) устанавливает следующие акты избрания:

1. Предварительный акт — указание кандидатов.
2. *ἐκλογή* — выбор трех кандидатов на соборе епископов.
3. Избрание императором из трех одного.
4. Малое извещение (ответ кандидату).
5. Великое извещение (наречение).
6. *Πρόβλησις* — обряд возведения царем в патриаршее достоинство.
7. Хиротония.
8. Интронизация.
9. Обращение нового патриарха с соборным посланием к другим патриархам.

Приведем анализ, сделанный Соколовым относительно второго и третьего основных актов избрания.

Избрание кандидатов происходит на соборе митрополитов. Собор происходит по распоряжению императора и включает всех архиереев, находящихся во время собора в Константинополе, но не менее 12 человек. Производство голосования на соборе принадлежит

исключительно митрополитам. Открытому голосованию (ψηφος) предшествует обсуждение (δοκιμασία). Председательствует на соборе или первопрестольный архиепископ Кесарии, или митрополит Ефеса. О предизбранных кандидатах доводят до сведения императора, который из трех избирает одного. Но императору принадлежит право отвести всех указанных собором и выставить своего. О формуле императорской воли: ἐγὼ τὸν ὁ δεῖνα θέλω γενέσθαι (Const. De saemet., p. 564)¹. Но с этим императорским ставленником собор мог и не согласиться, в таком случае начиналась борьба между императором и членами собора.

Соколов утверждает, что избрание патриархов происходило единообразно, и приводит везде мысль об осуществлении на практике идеи симфонии: согласия между светской — императорской, и церковной властью; Соколов вовсе устраняет участие народа в избрании патриархов, напротив, ссылаясь на Epanagoge, 77; Basil., l. III, t. 1, η и Prochiron, 248, утверждает участие народа в избрании епископов.

Случаи избрания патриархов, когда панорики говорят прямо об участии народа, именно избрание патриархом Константина Лихуды, 1059 г. и Геннадия Схолария, 1453 г., Соколов считает исключением, вызванным специфическими условиями.

Против единообразия в порядке избрания патриархов, против симфонии светской и духовных властей в процессе избрания, и особенно против устранения народа в избрании константинопольского патриарха убедительно говорит, по крайней мере для первой половины X в., письмо Арефы к Григорию Ефесскому.

Григорий был сторонником народного избрания, Арефа стремился до крайности ограничить народную волю, чтобы Феофилакт без борьбы и осложнений получил патриарший престол.

Арефа называет своего принципиального противника в методе избрания хитрым и изворотливым (περιδέξιος καὶ ἀγχιόστροφος), себя же характеризует человеком вообще медлительным и малоподвижным, но на все благое по милости божьей готовым и быстрым (ταῦτά σοι... βραδύς καὶ δοκίμητος Ἀρέθας ἔχων μὲν εἰς αἰεὶ θεοῦ χάριτι τὸ εἰς αὐτὰν χρηστὸν ἔτοιμον καὶ εὐκίνητον). В данном случае τὸ εἰς ἅπαν χρηστὸν у Арефы — введение такой формы голосования, которая провела бы без хлопот на патриаршество Феофилакта. Есть основание думать, что Григорий принадлежал к противной Арефе партии. К тому же самому Григорию адресовано письмо Арефы о привле-

¹ Д. Ф. Беляев. Byzantina, II, 15, стр. 250—251.

чении к церковному суду епископа Евфимия, участника борьбы Византии с болгарами.¹

Позиция Григория, как упорного сторонника привлечения народа к избранию патриархов, выступает отчетливо; Арефа разоблачает в следующих словах его „странный либерализм“ — θαυμαστή ἐλευθερία: „Ты выставил себя, как некий крепкий акрополь, или священный якорь, или, сверх того, тебе показалось, что ты понесешь на себе это странное, разумею свободу, посвящая себя христовой церкви, лишь бы не поработиться кандидатам“ (ὡς ὄχυράν τινα προῦβάλου ἀκρόπολιν ἢ καὶ ἱερὰν ἄγκυραν ἢ καὶ τὸ θαυμάσιον ἀποίσεσθαι ἔδοξας, τὴν ἐλευθερίαν δῆθεν, τῇ τοῦ Χριστοῦ μνῶμενος ἐκκλησίᾳ ἐκ τοῦ μὴ ὑποψηφίους καταδουλοῦσθαι). Что эта церковная свобода Григория — есть свобода выборов, при которой выставляются внезапные кандидаты и тут же избираются, ясно из следующего письма: „Или ты не понимаешь, что эта твоя странная свобода привносит гибель в дела священства — охладулию вместе с бесчинством: дано ведь каждому право при самочинном выдвижении подавать голос не за одного единственного кандидата, прежде намеченного с уверенностью и по достоинству, но за всякого, к кому кто дружески расположен и кто опирается при внезапном выдвижении на бунтующее мнение“ (ἢ οὐκ ἀισθάνη ὡς ἡ θαυμαστή σου αὕτη ἐλευθερία ὀχλοδουλίαν σὺν ἀταξίᾳ τοῖς ἱερατικοῖς πράγμασι παρεισφθείρει· ἐκάστῳ γὰρ δεδομένου αὐτονόμῳ προδέσει μὴ πρὸς ἓνα τὸν ἐπ' ἀδείας ἀξίως ἠφωρισμένον συνταυτεύειν τὴν ψῆφον, ἀλλὰ πρὸς ὃν τις οἰχείως ἔχει τῷ τῆς προαγωγῆς αἰφνιδίῳ πρὸς καινοτόμον γνώμην ἐπιρρωνύμενος). Арефа разъясняет, что при свободных выборах побеждается произволом толпы „то, что было согласовано и решено“, и „многоголовая свобода“ принуждает к согласию насилем даже самых рассудительных, что в свободных выборах действуют происки беспринципных (τῶν ἀστηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν). Борясь с народным избранием, Арефа напоминает Григорию скандальные случаи из прошлого: избрание в Александрии Ахиллы и Александра после мученической кончины Петра, погибшего во время мелитианских споров в начале IV в.; события 342 г., когда после Александра Византийского соперничали Павел и Македоний. В этом году, по Сократу (II, 12) и Сотомону (II, 17), взбунтовавшейся чернью был убит даже *magister militum*, а при интронизации Македония в церкви погибло от меча и давки до 3150 человек; события в Сирийской Антиохии после Флавиана (умер в 404 г.). Но особенный страх внушают Арефе недавние происшествия: честолюбивое избрание Стефана, которое, как уверен

¹ Опубликовано С. П. Шестаковым в *Byzantinoslavica*, I (1929), стр. 161—163.

Арефа, повторится при свободном участии народа в выборах Феофилакта. Арефа поэтому предлагает Григорию построить избирательный процесс иначе: лишить народ права выдвижения кандидатов и представить ему только на утверждение уже предизбранное и проверенное лицо — т. е. Феофилакта (πρὸς ἓνα τὸν ἐπ' ἀδείας ἀξίως ἠρωρισμένων συγκατευθύνειν τὴν ψῆφον). Достойные люди, уверен Арефа, конечно, поддержат того, кого они уже предназначили к иерархическому посту (αὐτοὺς τε γ' ἀξίως ἀνάχεσθαι τῆς ἐποφειλομένης ἐραρχίας βραβεύειν), а „беспечальное и своевременное предизбрание устранил при голосовании вражду и безрассудство толпы“ (τῷ τῆς ἐτοιμότητος ἀταλαιπώρῳ τῆς ὅτε καιρὸς αὐτῶν προσαγωγῆς τὴν τῶν πολλῶν ἔριδα καὶ δοξομανίαν διασκεδάξειν· τὸ γὰρ εἰς ἐκλογὴν προσφωδευμένον ἀργὴν ἀπελέγχει τῶν ἀστηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν).

Арефа ссылается на прецедент подобных выборов еще и до избрания Стефана (ἐπεὶ δὲ καὶ πρὸ Στεφάνου παρ' ἡμῶν ἐξετελέσθη). Свободу избрания хотел бы Арефа погрузить в пропасти забвения (λήθης ἀμυρωδῆναι βυθοῖς). Основание к преобразованию выборов он находит в том, что свободное избрание народом нигде не обосновано в каноническом праве, но покоится исключительно на обычае и поэтому может не считаться установленным, хотя и практикуется (τοῦ ἐξ ἀγράφου τῆς προφάσεως οὐκ ἂν ἀναμένοντος). Сущность своего рассуждения о преобразовании выборов Арефа выразил в таком воззвании к Григорию: „Да не возобновим мы опять вреда той практики, уже погибшей, или существующей, действующей или минувшей, — все равно, но предоставим таким образом померкнуть в пропасти забвения существующее и пребывающее, так как оно могло бы не быть существующим по причине того, что происходит не из письменного источника“.

В практике избрания патриарха, таким образом, вопреки мнению Соколова, в X в. народ принимал участие. Ему принадлежало слово после того, как митрополиты на соборе обсудили своих кандидатов и согласовали их с мнением императора. Утвердить нужное лицо во время народного голосования можно было только при опытном и умелом ведении дела, но почти всегда на практике возникали недоразумения и беспорядки. Нельзя сказать, чтобы соборы, особенно 7-й, не пытались ограничить вмешательство народа, но эти ограничения трудно было провести в жизнь — с константинопольской чернью приходилось считаться. Попытки Арефы преобразовать избирательный процесс ради Феофилакта показывают нам, как много было опасений за нормальный ход дела при голосовании и какое, сопротивление вызвало в народе, руководимом оппозицией Роману, грубое вмешательство Романа в дела церкви.

F. 112

Γρηγορίῳ Ἐφέσου Ἀρέθας ἐλάχιστος ἀρχιεπίσκοπος
Καισαρείας Καππαδοκίας

Τὸν κύριν Θεοφύλακτον τὸν υἱὸν τοῦ κυρίου καὶ δεσπότου καὶ βασιλέως
ἡμῶν Ῥωμανοῦ ψηφίζομαι εἰς πατριάρχην, ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον
5 πατριαρχικαῖς ἀρεταῖς, πρὸς τῷ καιρῷ τῷ ὀφειλομένῳ αὐτῷ ὑπὸ κυρίου τοῦ
θεοῦ ὑποδέξασθαι αὐτὸν τὴν πατριαρχικὴν τιμὴν καὶ χειροτονίαν· τούτοις
μηδὲν προστιθείς, μηδὲν ἀφαιρούμενος σοί, καὶ μετὰ πολλὰ. Ὁ δὲ ὡς ὀχυρὰν
τινα προὔβαλου ἀκρόπολιν ἢ καὶ ἱερὰν ἄγκυραν ἢ καὶ τὸ θαυμασίον
ἀποίσεσθαι ἔδοξας, τὴν ἐλευθερίαν δῆθεν, τῇ τοῦ Χριστοῦ μυώμενος ἐκκλησίᾳ
10 ἐκ τοῦ μὴ ὑποψηφίσις καταδουλοῦσθαι. Πυνθάνομαι σου, θαυμάσιε, πόθεν
τοῦτο λαβῶν παραβέβηκας; Πρῶτον μὲν οὐ Πέτρον τὸν ἱερομάρτυρα ἐνοήσας,
ὃς μαρτυρίῳ πρὸς κύριον ἐκδημῶν Ἀχίλλαν καὶ Ἀλέξανδρον ἐψηφίσαστο
διαδόχους ἑαυτοῦ. Εἰ δὲ ὅτι ὑπὸ θεοῦ χρηματισθεὶς ταῦτα πρὸς τὴν ἀπο-
τροπὴν τοῦ ὑποδείγματος ἐγκαλλωπίσῃ, ἀπέχω τὸ ἀριστεῖον, ὅπου γε καὶ
15 θεὸς τοῖς παρ' ἐμοῦ εἰσηγουμένοις συνήγορος· ὅρα δὲ καὶ ὡς οὐδ' ἦντινα
βλάβην προσῆγεν ἢ ἐπὶ ζῶντι Ἀχίλλα τοῦ Ἀλεξάνδρου ψῆφος, εἰ μὴ καὶ
μᾶλλον εἶχεν τινα παρίζειν τῶν συντελούντων εἰς ὄνησιν τῷ προεπηγγελμένῳ.
αἱ γὰρ τοιαῦται προτέλειαι τῶν οὕτω προαγομένων οὐχ ὅσον οὐκ ἔβλαψεν
ἠνεγκαν κέρδος αὐτοῖς· οὐχ οἷον ἐρεῖν νῆφειν ἂν καὶ ἐργηγορέναι κατατυχοῦσαι
20 τῷ μῆτι λωβήσασθαι τὸν ἀρραβῶνα, ἀλλ' οὐδὲ Ἀλέξανδρον τὸν θεῖον τοῦ
Βυζαντίου τούτου πρόεδρον ἐπιζῶντα Παῦλον καὶ Μακεδόνιον ψηφισάμενον,
οὐδ' ἢ ἐν Ἀντιοχείᾳ τῆς Συρίας μετὰ Φλαβιανὸν τῶν ἐνδημούντων ψῆφος
εἰς Ἀντιοχείαν ἐπίσκοπον τῇ τοῦ ἀποσχομένου ἐκλείψει ἐπεισαγόντων τὸν
ἐφηξῆς· ἢ οὐκ αἰσθάνῃ ὡς ἢ θαυμαστή σου αὕτη ἐλευθερία ὀχλοδουλίαν σὺν
25 ἀταξίᾳ τοῖς ἱερατικοῖς πράγμασι παρεισφθέρει· ἐκάστω γὰρ δεδομένου αὐτονομῷ
προθέσει μὴ πρὸς ἓνα τὸν ἐπ' ἀδείας ἀξίως ἠφωρισμένον συνακατευθύνει τὴν
ψῆφον, ἀλλὰ πρὸς ὃν τις οικειῶς ἔχει τῷ τῆς προαγωγῆς αἰφνιδίῳ πρὸς καινό-
τάμον γνώμην ἐπιρρωνύμενος οὐτι στάσεως ἂν τι ποτε τὸν ἱερὸν σύστημα
ὀχλοδούλου ἐώῃ καθαρῆσαι, οὐ τῶν ἐγκρίτων καὶ δεδοκιμασμένων τις τὴν
30 ἱερὰν ἐφορείαν ἐλευθερίως ὑπέλθοι· νικώσης ἂν τι τῶν πολλῶν αὐθαδεῖας τὸ
ἐγκριτον καὶ συναρπαζούσης τῇ πολυδεσπότητῳ ταύτῃ πρὸς συγκατάθεσιν
ἐλευθερίᾳ καὶ τοὺς ἀκριβεστάτους εἰς γνωμολόγησιν τῆς βίας· καὶ ἄλλως δέ·
τὸ μὲν ἀμελλήτως εἰσαγόμενον πρὸς οἷς οὐκ ὠφέλησεν τῇ τοῦ ἀθροῦ ἐπεισόδῳ
οὐδὲ τὴν τυχοῦσαν ἠνεγκε βλάβην τοῖς χρησαμένοις· τὸ δὲ χρόνῳ τὴν
35 βίασκανον προσλαβὸν τῇ πείρᾳ παρέχεται τὸ δοκίμιον, ἀλλ' οὕτω τούτων
ἐχόντων· οὐκ ἂν οἶμαι τινα τῶν ἐπιεικῶν τε καὶ οὐ φιλαύτων τὰς ἐκ μακροῦ
τῶν ἱερωθησομένων ἀτιμάσειε ψήφους δυοῖν ἔνεκεν· αὐτοὺς τε γ' ἀξίως ἀνάγεσθαι
τῆς ἐποφειλομένης ἱεραρχίας βραβεύσειεν οἷα τινα χάρακι τῇ ψῆφῳ τὸν ἱερὸν
στέλεχος ἀπευθυνομένους καὶ δὴ γε καὶ τῷ τῆς ἐτοιμότητος ἀταλαιπώρῳ
40 τῆς ὅτε καιρὸς αὐτῶν προαγωγῆς τὴν τῶν πολλῶν ἔριδα καὶ δοξομανίαν
διασκεδάξοιεν· τὸ γὰρ εἰς ἐκλογὴν προεφωδευμένον ἀργὴν ἀπετέλεγει τῶν

ἀστηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν· εἰ δ' ἐπὶ τὸ ἱερὸν καταφεύγοντι γράμμα δ' τοὺς πρὸς καιρὸν ἀπίοντας τῶν ἱερῶν τινα μετιόντων ἐπιστασίαν μὴ ἕτερον ἀντ' αὐτῶν ἀποθεσπίζει προβάλλεσθαι εἰ τοῦτο τὸ δραστηκώτατόν σοι δήπου⁴⁵ παρεγγυᾶται· δόξεις μὲν τι εἶρην, οὐ μέντοι καὶ ὅσον οἶε· ἂν γὰρ ἂν τῶν ἀναμφιλέκτων καὶ πρὸς ἀντινομίαν τοῦτο κατακολίον, εἰ τῷ τοῦ Στεφάνου δοξοκόπῳ ψήφισματι ἢ περὶ Θεοφυλάκτου ἐκαινουργεῖτο ἀρχαιρεσίᾳ· ἐπειδὴ δὲ καὶ πρὸ Στεφάνου παρ' ἡμῶν ἐξετελέσθη, τίς ἐμφρονέστατος λόγος, ἐκείνου εἴτ' ἀπολωλότης εἴτε καὶ μένοντος μὴ αὐτίς ἡμᾶς εἴτ' ἐπικαιροῦντος καὶ παρρυσθέντος τὸ διεφθορὸς ἀνακαινίζειν, ἀλλ' εἶν οὕτω λήθης ἀμαυρωθῆναι⁵⁰ βυθοῖς τοῦ ἐξ ἀγράφου τῆς προφάσεως οὐκ ἂν ἀναμένοντος τὸ ἐστῶς τε καὶ ἔμμενον, ἀλλὰ τῆς προαγωγῆς τὸ προαπόλλυσθαι σχεδὸν εἰληχότος. Ταῦτα σοι, ἀδελφέ, περιδεξίῳ τὰ πάντα καὶ ἀγχιστρόφῳ ὁ βραδύς καὶ δυσκίνητος Ἀρέδας ἔχων μὲν εἰσαεὶ θεοῦ χάριτι τὸ εἰς ἅπαν χρηστὸν ἔτοιμον καὶ εὐκίνητον, ἔχων τ' ἐπὶ καὶ τὸ πρὸς ἀντιλογίαν εὐλαβὲς καὶ αἰδέσιμον τῷ⁵⁵ μακαρίῳ Παύλῳ πευόμενος ὃς τὰς δοξοπλήκτους καὶ εἰκαίας τούτων ζητήσεις παραιτεῖσθαι φιλοσοφεῖ ὡς τῆς ἀπὸ τούτων μάχης πρὸς ἄλλοτρίωσιν εἰωθυίας ἐλαύνειν τῶν ἀδελφῶν τὸν κατὰ Χριστοῦ ἄνθρωπον.

F. 112. Григорию Ефесскому Арефа Смиренный, Архиепископ Кесарии Каппадокийской

Я подаю голос за избрание в патриархи кира Феофилакта, сына кира и владыки и царя нашего Романа, чтобы он, [воспитываемый в выдвигаемый патриаршими добродетелями, в определенное ему богом время взял на себя патриаршую честь и хиротонию. Ничего я не мог бы к этому для тебя прибавить, ничего от этого отнять, даже и после многих (споров). Это о нем. А ты выставил себя, как некий крепкий акрополь или священный якорь, или, сверх того, тебе показалось, что ты понесешь на себе это странное, разумею свободу, посвящая себя христовой церкви, лишь бы не поработиться кандидатам. Я спрашиваю тебя, странный, откуда ты это взял и дошел до такого заблуждения. Во-первых, ты не подумал о священном ученике Петре, который, отправляясь на исповедание господя, избрал преемником по себе Ахилла и Александра. Не рисовался ли уж ты тем, что предназначен для этого внушением бога, — для отвращения прецедента? Я отказываюсь от премии в состязании там, где, конечно, и бог согласен со мной в том, что я высказываю. Обрати внимание, какой принесло вред голосование за Александра еще при жизни Ахиллы, если он совершенно не мог предоставить кого-нибудь из сослуживцев на пользу тому, кто предназначался на кафедру. Конечно, подобные примеры так выдвигаемых лиц, нисколько не навредили, не принесли пользы им. Нечего и говорить,

происходящие выборы должны быть трезвыми и бдительными, чтобы не запятнать залога. Но разве еще при жизни божественного Александра, проэдра этой Византии, не были избраны голосованием Павел и Македоний? Разве не было голосования обитающих там (в Антиохии) за антиохийского епископа после Флавиана в Сирийской Антиохии, когда они выставили следующего кандидата за исключением уклонившегося? Или ты не понимаешь, что эта твоя странная свобода привносит гибель в дела священства — охладулию вместе с бесчинством: дано ведь каждому право при самочинном выдвижении подать голос не за одного единственного кандидата, прежде намеченного с уверенностью и по достоинству, но за всякого, к кому кто дружески расположен и кто опирается при внезапном выдвижении на бунтующее мнение? Разве невозможно когда-нибудь очистить иерархическую систему от охладульного восстания? и никто из обсужденных и прошедших докимасию не сможет достигнуть святительской высоты, когда побеждается произволом толпы решенное, и насилие вместе с этой многоголовой свободой принуждаем к признанию и заставляем согласиться самых рассудительных. И другое: беззаботно выставленное лицо вмешательством собравшихся на то дело, к чему оно не пригодно, не только принесло вред избирателям, — испытанием во времени и на практике проявляется достойное. Но это так. Не думаю, чтобы кто-нибудь из пристойных и несебялюбцев мог бы не почтить голосами тех, кому давно надлежит быть в числе иерархии, — по двум причинам: с одной стороны, они решили бы их спокойно выдвинуть на должествующую им иерархию, их, принадлежащих к священному древу, как бы какой чертой характера — голосованием, и, с другой стороны, они рассеяли бы вражду толпы и тщеславие беспечальностью приготовления в современном выдвижении. Ведь предварением избирательного процесса архиереев обличается и обрекается на бездеятельность старание беспринципных. Если же обратиться к священному писанию, оно предписывает, чтобы отходящие в свое время к господу не иначе давали бы святительское руководство для наследующих им. Не поручается ли это, наконец, тебе, как самое действенное? Надумаешь ли ты что-нибудь сказать? Но что бы ты ни думал, было бы несомненным безрассудством, если бы честолюбивое голосование за Стефана возобновилось при избрании Феофилакта. А так как и до Стефана было у нас в практике, где место разумному возражению? Да не возобновим мы опять вреда той практики, уже погибшей или существующей, действующей или минувшей, — все равно, но да померкнет в пропасти забвения существующее и пребывающее, так как его могло бы и не быть по причине того, что происходит оно не

из письменного источника, — но оно едва ли обрекает заранее на провал всякое выдвижение. Об этом тебе, брат, во всем ловкому и хитрому, говорит медлительный и малоподвижный Арефа, но всегда по божьей милости на все благое готовый и подвижный, и, сверх того, обладающий искусством на возражение и честью, послушной блаженному Павлу, который философствует отвергать хитросплетение и подобные этому происки, ведь такая битва обычно приводит к отчуждению от братьев христового человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- v. 3—6 Τὸν κύριον — καὶ χειροτονίαν: рукопись отрывает от текста эту фразу и присоединяет к заголовку, но эта фраза несомненно принадлежит к началу письма Арефы. Вопросы согласования частей предложения в тексте Арефы разрешаются часто только на основании ритмики речи. Можно было бы отнести εἰς πατριάρχην и κ ψηφίζομαι, и κ ἀνατρεφόμενον, равным образом ὑπὸ κυρίου τοῦ θεοῦ — и κ ὀφειλομένῳ, и κ ὑποδέξασθαι; из системы κῶλα видно, что εἰς πατριάρχην нужно связывать с ψηφίζομαι, а ὑπὸ κυρίου τοῦ θεοῦ — с ὀφειλομένῳ:
- ... ψηφίζομαι εἰς πατριάρχην.
 20 слогов ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον πατριαρχικῆς ἀρεταῖς
 20 „ πρὸς τῷ καιρῷ τῷ ὀφειλομένῳ αὐτῷ ὑπὸ κυρίου τοῦ θεοῦ
 21 „ ὑποδέξασθαι αὐτὸν τὴν πατριαρχικὴν τιμὴν καὶ χειροτονίαν
 20 „ τούτοις μὴδὲν προστιθεῖς, μὴδὲν ἀφαιρούμενός σοι, καὶ μετὰ πολλὰ.
- (знаки препинания в рукописи дают именно это подразделение на κῶλα).
- v. 4 ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον] показывает, что Арефа знал о предназначении Феофилакта Романом на патриаршество еще при патриаршестве Тихона, в этих словах Арефа высказывает мысль самого императора.
- v. 7 Καὶ μετὰ πολλὰ, т. е. спустя много времени, в течение которого шла борьба с духовенством из-за Феофилакта.
- v. 8—9 Τὸ θαυμάσιον — ἡ ἐλευθερία] ср. ниже θαυμαστὴ ἐλευθερία и θαυμάσιον, иронические выражения. Речь идет о свободном народном избрании патриарха, сторонником этих выборов был Григорий.
- v. 11—23 Ссылки на смуты, сопровождавшие избрания епископов в древности.
 Петр Александрий был на кафедре в 300—311 гг., принимал участие как противник Мелития в мелитианских спорах, погиб мученически. Ему наследовал в Александрии Ахилла (311—312). Александр наследовал Ахилле (312—326). Выборы 312 г. сопровождались большими смутами, противная партия выставляла на кафедру Ария. Павел в 342 г. наследовал в Константинополе Александру. Противная партия выдвигала арианца Македония. О борьбе партий в 842 г. см. вводную часть. Флавиан Антиохийский умер в 404 г.
- v. 13—14 Πρὸς τὴν ἀποτροπὴν ὑποδείγματός: упрек Григорию в том, что он не согласен с предизбранием Феофилакта и не хочет следовать за Петром, который назначением себе в преемники Ахилла и Александра показал пример.
- v. 17 Τῷ προσηγγεμένῳ], т. е. предизбранному Александру.
- v. 20 ἀραβῶνα]: залог — церковный строй, который не следует марать смутами.
- v. 22 Τῶν ἐνδημούντων]: жители Антиохии, местное население производило выборы приезжавшие на выборы епископы занимались докимасией кандидатов.

- v. 24—25 οχλοδουλίαν σὺν ἀταξίαι: этими словами Арефа характеризует народное избрание, ср. ниже στάσεως οχλοδοῦλου. Ὀχλοδουλία и οχλοδοῦλος незарегистрированное слово у Арефы это слово — термин ставленничества толпы.
- v. 25—27 αὐτονόμῳ προθέσει, τῷ τῆς προαγωγῆς αἰφνιδίῳ¹: устраняется народом кандидат, прошедший докимасию (τὸν ἠφωρισμένον) на соборе епископов и согласованный с мнением царя.
- v. 32 τοὺς ἀκριβεστάτους εἰς γνωμολόγησιν τῆς βίας¹: народное мнение принуждает примкнуть к нему даже членов собора.
- v. 40 Движущей причиной народных выборов служит τῶν πολλῶν ἕρις и δοξομανία. Арефа выражает мысль, что толпа идет за подбившими ее лицами.
- v. 42 ὧν ἀστηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν. Едва ли не монахов понимает Арефа в слове ἀστηρίκτων; как постоянный эпитет монахов это слово находим в Апологетике, v. 105 sqq. (см. ниже).
- v. 42 τὸ ἱερὸν γράμμα¹: разумеется порядок назначения кандидатов предшественником по кафедре; на какую литературу у Арефы ссылка — в точности неизвестно.
- v. 46—47 τοῦ Στεφάνου δοξοκόπῳ ψηφίσματι¹: ссылка на недавние смуты при избрании или Стефана I (886—893) или Стефана II (925—928).
- v. 49 ἐπικουρῶντας¹: чтение рукописи.
- v. 51—52 τὸ ἐστάς τεκαῖ ἐμμενον¹. Народное избрание было обычной формой, хотя и не было установлено в письменном документе (τοῦ ἕξαγράφου).

II. СОБЫТИЯ В ПЕЛОПОННЕСЕ В 934—935 гг.

Апологетик Арефы, записанный на f. 94 sqq. в Московской рукописи, отличен от других апологетических речей этого писателя. Другие апологетики имеют в виду вопросы, связанные с четвертым браком Льва VI, тогда как этот написан в защиту от политического обвинения.¹

Апологетик содержит важные исторические материалы, которые по-новому представляют события в Пелопоннесе в 934 г., характеризуют с новых сторон византийское общество времени Романа, объясняют раскол в классе византийского духовенства, дают важные биографические сведения о самом Арефе и выводят на сцену политической истории новых лиц.

Для определения времени событий, о которых рассказывает Апологетик, мы располагаем следующими данными: Арефа говорит о своем семидесятитрехлетнем возрасте; в ученой литературе принято мнение, что он родился около 865 г., следовательно время написания Апологетика нужно бы определить приблизительно датой: „около 938 г.“; вместе с тем из истории Пелопоннеса при Романе известно, что в Пелопоннесе в 934 г. происходили

¹ На исключительный интерес к тексту Апологетика указал, между прочим, F. Cumont при издании по Московской рукописи произведения Арефы против Юлиана: на фотографических снимках, по которым работал F. Cumont, находилось начало текста Апологетика (Mém. publ. par l'Acad., VII (1892), Bruxelles).

политические события, их-то мы и должны связывать с данными Апологетика о тиранническом замысле против Романа, а год рождения Арефы определять не приблизительно, а точно — 861. В сочинении *De admin. imperio* (р. 320—324, сар. 50) Константин рассказывает: в царствование императора Феофила (829—842) Пелопоннес попал в руки славян. С течением времени славяне Пелопоннеса были частично вытеснены, частично подчинены империи, но два славянских племени (*Σκλαβηνοί*) — милинги и эзериты удержались в горах Лакедемона, хотя и их стратиг Феоктист заставил стать в зависимость от империи, они должны были принять от стратига архонта и платить дань: милинги — 60 номисм, эзериты — 300; но во времена императора Романа стратиг Пелопоннесской фемы Иоанн донес императору о восстании милингов и эзеритов,¹ они объявили себя автономными и не приняли от стратига архонта. Между тем, стратигом Пелопоннесской фемы вместо Иоанна был послан Кринит, который вел успешную войну с восставшими с мая по ноябрь (это было, как устанавливает Ренсиман, в 934 г.) и заставил и милингов и эзеритов платить значительно большую дань — в 600 номисм. Кринит после этого был перемещен стратигом фемы Эллады, в Пелопоннесе же произошли раздоры между новым стратигом Пелопоннесской фемы, протоспафарием Варзой Платипозой, с одной стороны, и другими подчиненными ему стратигами и архонтами, с другой стороны, причем протоспафарий Лев Агеласт был изгнан из своей фемы. Одновременно славянские племена (*Σκλαβηνοί*, не эзериты и милинги) сделали натиск на Пелопоннес, и вторглись в Пелопоннесскую фему. В это время эзериты и милинги изъявили готовность подчиниться Роману на прежних условиях, имевших место еще до Кринита. Император дал согласие из боязни, что при отказе милинги и эзериты примкнут к вторгшимся в Пелопоннесскую фему славянским племенам (*Σκλαβηνοί*). Сопоставляем эти события с одновременным в 934 г. вторжением в пределы империи венгров. Продолжатель Феофана, (I. VI, § 37), равно как и Симеон Магистр, сообщает: „произошло первое нападение турок на римлян 7 индиктиона в апреле. Они в своем набеге достигли Константинополя и разграбили всю Фракию. Был послан для обмена пленными патрикий Феофан протовестиярий... царь не пожалел денег на выкуп пленных“. Движение венгров на Византию объясняет нам, почему славянские племена вторглись в пределы Пелопоннеса: они были теснимы с тыла

¹ Причиной восстания были, по всем данным, притеснения со стороны посланных к славянам архонтов и стратига (см. новеллу Романа Лакапена, 934 г.).

венграми или же действовали совместно с венграми. Несогласие между протоспафариями в Пелопоннесе в это тревожное время, когда Пелопоннес был под угрозой нападения милингов и эзеритов с юга и вторгшихся славянских племен с севера, в свою очередь, находит объяснение в Апологетике Арефы, именно в тиранническом заговоре. Тираннические заговоры против правящего императора были особенно удобны в то время, когда империя колебалась под натиском противников (многочисленные примеры представляет тот же Х в., Роман Лакапен сам воспользовался подобными затруднениями Византии, чтобы достигнуть власти), стремившиеся к захвату власти нередко вступали в сношения с противниками империи (так поступил, например, Калокир в годы войны Святослава с греками). Теперь, опираясь на Апологетик, мы можем утверждать, что именно тираннический заговор против Романа лежал в основе борьбы между протоспафариями; в этом заговоре какое-то участие принимали протоспафарии Николай и Фома из Тегей, причастен к заговору был, вероятно, и Арефа, несмотря на все его опровержения.

На фоне этих событий Апологетик приобретает особую значимость для определения всего положения империи, в частности пелопоннесских дел в 934 г.

Апологетик характеризует Арефу, равно как и борьбу среди духовенства. Примечательны самовосхваления Арефы, оправдание которым он видит в словах апостола Павла (см. примечания к тексту Апологетика). Вот пример этих самовосхвалений: „Кто я? Архиерей первого и величайшего престола, занимаю второе место по патриархе, с детства изодрен по божьей милости в самых прекрасных добродетелях, зримый, как некий светильник благочестия, в духе Христовом,“ или в другом месте: „Вам известны мои дела. Каковы они? Почтенны, целомудренны, для всех завидный пример, и их вы поносите, им делаете вред, но не дано руке грешников столкнуть меня“.

Противники Арефы выдвигали против него политическое обвинение, обоснованное, по словам Арефы, на плястографии: „Я подвергаюсь клевете на основании подделки грамот“, „Он [Симватий] сочиняет грамоты, примазывая меня к тиранническому заговору“.

Обвинителями были духовные лица, и дело разбиралось церковным судом. Арефа пытается объяснить причину клеветы враждой к нему духовенства. Раскол среди духовенства очевиден. Приводим эти любопытные места: „Да не победит клир грешников“, „И какая причина, что мои церковнослужители выступили с обвинением против меня? Воздаяние злом, ибо мы следуем за благом, воздер-

живаемся от общения с преступлениями неких людей. Разве не должны бы они чтить и высоко ценить истолкователя этих деяний?». Особенно важно место: „Но кто и с какой целью пустился на подобные выдумки? Это дело безумцев и беспринципных монахов. Не осмеивал ли я их всяким смехом, не издевался ли всегда над ними, называя их апокалюптариями (ἀποκαλυπταρίους)... Что же могло быть после этого? Непримируемая вражда произошла у нас, и мы безжалостно двинулись друг против друга“. Апологетик приводит замечательные строки о двух группах духовенства: нового, светски-образованного, карьеристов и сторонников силы — с одной стороны, монашеской массы — с другой. Враги Арефы воспользовались Симватием, который предоставил им материал против Арефы. Кто такой Симватий и в каком отношении стоял он к Арефе? Симватий, по данным Апологетика, также духовное лицо. Он занимался доносами — τὰς ἐτέρων ἀνερευόμενος οἰκίας. Он пытался в свое время возвести клевету на митрополита г. Патр, но был уличен и, по настоянию Арефы, сослан патриархом в Студийский монастырь: „Кричит весь Пелопоннес об этой гадине, и особенно архиерей г. Патр, потому что и ему устроен подлог — под его руку написан документ о наследстве, как и многие другие вкусили его подлости“, и ниже: „По причине разврата он был сослан патриархом в Студийский монастырь под стражу, и известно ему, что он, по моему настоянию, испытал это. Он воровским образом послал царю грамоту против митрополита г. Патр при ограблении казенных денег, причем он, негодный, был уличен в клевете“. Арефа ссылается также и на другую клевету Симватия: „Дело идет о Николае протоспафарии и Фоме протоспафарии из Пелопоннесской Тегей, которых Симватий сюда послал под стражей, он возвел на них обвинение в том, что они строят козни против царя и диадемы. К ним присоединил он и славного поэта Хрисохоа“. (К сожалению, об этих лицах мы не имеем сведений из другого источника.) Симватий донес и представил письмо Арефы (ἐπιστολίδιον), в котором Арефа будто бы вовлекал Симватия в тираннический заговор. Арефа не совсем ясно говорит о каком-то слезном раскаянии перед ним Симватия. Можно установить, что между ним и Симватием перед доносом Симватия на Арефу устанавливались дружеские отношения; но против возможности писать о заговоре Симватию Арефа приводит следующие доводы: он не мог бы довериться в этом деле человеку, лично им еще не испытанному, да еще и сноситься с ним через значительное пространство при помощи третьих лиц. Вместе с тем он заверяет в своей преданности императору Роману: „Почему же я мог

преступно дерзнуть на получившего от бога царскую власть, в особенности, когда он прилагает честь к нашей чести, за что мы в величайшей мере причисляем его великое и боголюбивое деяние к церковному миру, выражая надежды на его долголетнюю власть, какое мнение и живет в народе“.

Доказывая подложность обвинительного материала, Арефа ссылается на то, что в его время суды переполнены фальшивыми документами: „Я же, если и ни один закон не отвергает подлинности документов, а также совокупности признаков, все же могу сказать, хотя и кратко, так как полны судопроизводства подобными злодеяниями — и столько дней! они распознаются и уличаются, хотя и похожи на подлинные документы“. Арефа жалуется, что его дело не доведено до сведения царя, а решено внутри церкви без настоящего суда и отщепенца: „Когда вы услышали, что он сочиняет грамоту с обвинением в тирании — а прошло столько времени — вы не донесли царю, а придержали у себя неразобранным и неотщепенным судебное дело“, „не послали к царю приготовленную нам западню и гибель?“. Арефа был осужден судом церкви, об этом он говорит глухо, но это следует из текста: „многие другие вкусили его подлости. И чтобы не говорить впустую и для кого-нибудь непонятно: мудрым судом [ирония] главы божьей церкви осужден на семилетний срок, из-за развратных языков изгнан из божественных церквей“.

Обвинение против Арефы в тирании было концом его карьеры. Произошло это спустя какой-нибудь год после избрания патриархом Феофилакта, о возведении которого на патриарший престол так хлопотал Арефа.

F. 94v

Ἀπολογητικός

Οὗτος ἐκπεφώνηται ὀπηνίκα ἐκ πλαστογραφίας ἐγκλημα ἐπῆγον αὐτῷ πρὸς τὴν τυραννίδα τινὰ κατὰ Πελοπόννησον δι' ἐπιστολῶν ὑπολείπειν.

Αἰδοῦμαι μὲν ἀπολογίαὺν συνείρων ὑπὲρ ὑπονοίας τὸ ἀδόμενον φαντασιῶν καὶ ταῦτα τοῦ θεοπάτορος αὐτῷ συστῆναι διαγορευόντος· τὸν ἀμαρτωλὸν
⁵ ἐναντίον μου ἐκωφάθην καὶ ἐταπεινώθην καὶ ἐσίγησα ἐξ ἀγαθῶν καὶ τὸ ἄλγημα μου ἀνεκαινίσθη. Τίς γε ἀνάγκη πονηροτάτοις ἀντεξαγόμενον τὸ εὐσταθὲς ἡμῶν δολαῦν τῆς ψυχῆς τὸν οἶνον τῆς ἀκακίας τῷ ὕδατι καπηλεύοντα τῆς πανουργίας, ἀλλ' οὖν ἵνα μὴ τοῖς φιλαίτιοις αἰτίαν παρέχωμεν ὡς συνειδήσει τῶν καταφλυαρουμένων ἀφασία ἐάλωμεν, τραχέα τε καὶ ἀπλοῦκά
¹⁰ καὶ οἷα τῷ ἡμετέρῳ ἦδει ἐνάμιλλα διεξιόμεν· ἀρκτέον δὲ τῷ ἀπὸ τοῦ Σωφρονίσκου Σωκράτει· συναγορευούσι κατὰ καιρὸν νῦν ἐγὼ πρῶτον, τάχα δὲ καὶ

τελευταῖον· οὐγε ὁ κλῆρος νικῆ τῶν ἐξαμαρτανόντων ἀπὸ γραμμάτων παραποιήσεως ἐπὶ συστάσει τυραννίδος ἐνδιαβάλλομαι, ἔτη γερονῶς τρία καὶ ἑβδομήκοντα. Τίς ὢν; ἀρχιερεὺς πρώτου τε καὶ μεγίστου θρόνου τὰ δευτεραῖα φερόμενος, ἐκ βλέφους τοῖς τῶν καλῶν καλλίστοις ἀσκούμενος τε θεοῦ χάριτι¹⁵ καὶ κατωρθωκῶς ἦθει καὶ οἶα τίς λαμπτῆρ εὐσεβείας ἐξ ἤθους Χριστοῦ τοῖς πᾶσιν ἀποβλεπόμενος· ἀπέστω δὲ φθόνος καὶ περὶ αὐτολογίας ἐπίκλημα, ὅτι τῷ ἐπανάγκῃ τῶν κατειληφόντων οἱ λόγοι, ἀλλ' οὐκ ἀλαζονείας καὶ αὐθαδείας, ἐπεὶ καὶ Δαβὶδ τὰς ἑαυτοῦ κατὰ θηρίων ἀριστείας οὕτω τισὶ διεγνωσμένας τῇ κατὰ τοῦ ἀλαζόνος Γολιάθ ἐπιχειρῶν ἀγωνία εἰς μέσον προάγεται, καὶ Παῦλος²⁰ ὁ θεὸς τὰ ὑπερφυῆ κατορθώματα καὶ τὴν εἰς τρίτον αὐτοῦ [f—95] ἀρπαγὸν οὐρανοῦ ἔκφορα καθιστάς· γέγονα φάσκει ἄφρων καυχώμενος, ὑμεῖς με δηλαδὴ ἠναγκάσατε· ἐγὼ γὰρ ὄφειλον φησὶν ὑφ' ἡμῶν συνίστασθαι· ἀλλ' ὑπέρευγε τῆς ἀποστολικῆς ῥήσεως κατὰ καιρὸν ἡμῖν ἐπιγενομένης· ἐγὼ γε καὶ αὐτὸς ἐξ ἐκείνου λαβὼν τό· ὄφειλον ὑφ' ὑμῶν συνίστασθαι, ὑφ' ὑμῶν τὰ ἐμὰ²⁵ ἐγνωκῶτων· καὶ τίνα ταῦτα; ἔντιμα, σωφρονικά, τὰ πρὸς παράδειγμα ζηλωτὸν πᾶσι προκείμενα καὶ τούτοις περικροτεῖν ὑμᾶς, τούτοις ποιεῖν τὸ ἀνεπηρέαστον, ἀλλὰ μὴ χεῖρα ἐὰν ἀμαρτωλῶν σαλεύειν με, μηδὲ ἄφρονι ὄνειδὸς με δίδῶναι ποιεῖν, οὐκ ἄφρονι δέ· καὶ τοῦτο μὲν γε, ἀλλὰ κακίας ἀπάσης ὅση ψυχῆς κακεντρεχεστάτης, ὅση σώματος βδελυρία τῇ πάσῃ κατακεχαμμένῃ καὶ³⁰ γνώρισμα τούτων τὴν τῆς γλώττης τραυλότητα περιφέροντι· καὶ οὐ ψιλὸς οὗτος ὁ λόγος καὶ κακηγόροι μολύσμασιν ἄλλως ἐπιφημιζόμενοι· βοᾷ Πελοπόννησος ἅπανα τὸ θηρίον καὶ μάλα γε ὁ τῶν Πατρῶν τῆς Πελοποννήσου ἀρχιερεὺς, ἐξ οὗ καὶ κληρονομίας συμβόλαιον αὐτῷ γραφῆναι ἰδιοχείρως ἐπλάσατο, ὅσοι τε ἄλλοι τῆς τούτου ἀπέλαυσαν μοχθηρίας· καὶ ἵνα μὴ τὸ³⁵ καιριώτατον λέγω καὶ πρὸς ἀγνωμοσύνης τισί, ὑπὸ σοφῆ κρίσει τοῦ τῆς θεοῦ κατάρχοντος ἐκκλησίας ἐπταετίας προστίμῃ, δι' ἀσέλγειαν γλώσσης τῶν θείων ἀνακτόρων ἐληλαμένῃ· εἶτα τοιοῦτον τοσοῦτῃ ἐπιφύεσθαι παραχωρεῖν τῶν ἐπαινετῶν· ἀλλὰ καὶ ὑπὸ τῶν συλλειτουργῶν συγχροτεῖσθαι καὶ συνηγορεῖσθαι περιπτωτικῶς ἑαυτοῖς αἰδοῦς τε πάσης ἀπογυμνώσει, καὶ οὕτω σφοδρῶς· ἄρα⁴⁰ θεῷ καταδύμιον τοῦτο ἢ τοῖς πρὸς θεὸν ἀφορῶσιν; καὶ τίς ἢ πρόφασις τῶν συλλειτουργεῖν λαχόντων τῆς κατ' ἐμοῦ τούτῃ συνηγορίας; ἀνταπόδοσις κακῶν, ἐπεὶ καταδιώκομεν ἀγαθοσύνην ταῖς τινῶν ἀμαρτίαις μὴ κοινωνεῖν ἀνεχόμενοι· εἶτα τιμᾶν ἔδει καὶ μέγαν ἄγειν τὸν τούτων ὑφηγητὴν καὶ σὺν εὐμενεῖα περιέπειν τε καὶ καλῶς ἐπεσθαι χάριν εἰδῶτας τῆς τῶν ἐπαινετῶν⁴⁵ εἰσηγήσεως ἢ οὕτως ἀπρηυδριακῶτως βασιλεῖ τε εἰσάγειν πρὸς κρίσιν καὶ γνώμη προὔνεικῃ τε καὶ προπετεστάτῃ συντρέχειν τῷ πονήρῳ καὶ μετὰ μοιχοῦ τὴν μερίδα τῷθεσθαι, ἀλλὰ γε ἰτέον καὶ ἐπὶ τὴν κατηγορίαν· Συμβατίῳ φησὶν ἐξ ἐπιστολῆς ὑμῶν εἰς βασιλέα χρηματισμός, καὶ τὸ πιστόν, ἀπὸ συμβολαίων τῆς ὑμετέρας χειρὸς παρεχόμενος· ἐγὼ δέ, εἰ μὲν μηδεὶς νόμος ἦδέτε τὴν⁵⁰ ἀπὸ τῶν συμβολαίων πίστιν, καὶ δὴ γε συμπτωμάτων διηνεκῆς φορὰ, εἶχον ἂν τι καὶ πράον εἰπεῖν, ἐπειδὴ δὲ πλήρη τὰ δικαστήρια τῶν τοιούτων κακουργῶν, καὶ ὅσαι ἡμέραι, οἱ ἔλεγχοι τούτων διαγιγνώσκονται καὶ ἐγγύτατα

τῶν ἀληθῶν προβαίνοντα γραμμάτων· ἄρα τῶν εὐγνωμόνων ἔτι ὁ τούτοις
 55 προσανέχων ἢ θύραν ἀνοῖξαι τῇ τοιαύτῃ μηχανουργίᾳ σπουδῇ· εὐξαίμην ἂν
 τοῦτο· θυμοῦ δὲ δικαίου μεστός ὁ λόγος. Πῶς γε ἂν [f. 95v] λάθοιεν οἱ τούτων
 συνιστορες καθ' ἑαυτῶν βάλλοντες, οἷς καὶ τὸ ὀλοθρευθῆναι αὐτοῖς περιγένοιτο
 ἢ το ἐξ ὁμοιότητος γραμμάτων δολοφονεῖν ὃ καὶ τοῖς Ἡρώδου τοῦ ἐξ Ἀντι-
 60 πάτρου παισὶ δι' ἐπηρείας ὑπῆρξεν ἀπὸ τοῦ ἐκ Δωρίδος τῆς αὐταδέλφου
 μανίας· πλὴν ἴδωμεν καὶ τὰ περὶ Συμβατίου· εἶπε γάρτοι τίνι τρόπῳ Συμβατίῳ
 θαρρῶν ἢ πόσῃ φιλίᾳ ὑπαγόμενος τούτου καὶ κέρδεσι τίσι; τιμῆς δὲ τίνος
 ἐπαγγελία; ἀνὴρ τὴν πρώτην ἐν ἐπισκόποις τάξιν ἐπέχων τοιαῦτα θαρρεῖν
 εἶχον τῷ μέχρσι ὀνόματος μόνον γνωρίμῳ τῷ ἄρτι μοι πρὸς φιλίαν τοῦτον
 65 καθιστάν ἐπιχειρουμένῳ, ἀφ' οὗ καὶ πρώτη ταύτῃ ἐκεχρήμην ἐπιστολῇ
 ἢ γνώμῃς τοσοῦτον ἠμάρτανον ὥστε τὸ μόγις καὶ ἀπὸ χειλέων εἰς χεῖλος
 διαδιδόμενον δι' ἐπιστολῶν ἐξαγγέλλειν καὶ τοσοῦτῳ διαστήματι τόπου καὶ
 διὰ γραμμάτων κηρῷ κατασσημασμένων καὶ οὐδὲ δι' ἀνθρώπων ἐκ πολλοῦ
 μοι τὸ γνωρίμον μετὰ πίστεως εἰληχότων καὶ οἷς τὸ θαρρεῖν οὐ πείρα καὶ
 70 χρόνος ἐβεβαίωσατο· τί δαὶ καὶ ἐγκαλεῖν ἔχων ὕβριοπαθῶς τῷ ἐκ θεοῦ βασι-
 λεύειν λαχόντι; μᾶλλον δὲ τιμὴν πρὸς τιμὴν ἡμῶν τούτου ἐνηρηγκότος δι' ἃ
 καὶ πρὸς τὴν ἐκκλησιαστικὴν εἰρήνην τὸ μέγα καὶ θεοφιλέστατον αὐτοῦ
 ἔργον τῷ πλείστῳ μέρει τούτῳ συνεβαλλόμεθα πολυχρονίου κράτους αὐτῷ
 ὑποτείναντες ἐλπίδας ὥσπερ δὲ περιφόρητον πολλοῖς λόγιον· οὕτω πλημμελῶς
 καὶ ὀλεθρίως ἑμαυτῷ πρὸς τοῦτον διαγιγνώμη; ἀλλὰ καὶ τίς καὶ ὦν καὶ τίνα
 75 γνώμην ἔχων περὶ τῶν τὰ τοιαῦτα ματαιαζόντων ἀφρόνων ἀνθρώπων καὶ
 μοναχῶν ἀστηρίκτων· ἄρα οὐκ ὁ παντὶ καταγέλωτι τούτους μακώμενος οὐς
 καὶ διαπαίζων ἀποκαλυπταρίους κατονομάζω· ἢ πρὸς τὸ πέρασ μοι τοῦ βίου
 ἀφικομένῳ· πρὸς ματαιότητας ἀποβλέπειν καὶ μανίας ψευδεῖς ἐπαράτως
 ἐπέσπασται. Πῶς δαὶ καὶ μετὰ τοῦτο; ἔχθρας ἀσπόνδου ἡμῖν μεσιτευσάσης.
 80 καὶ ἀπηνῶς ἡμῶν ἀλλήλοις ἀντεφορμώντων. Τίνος ἔνεκεν ὁ Συμβάτιος οὗτος
 ἐνέσχετο ἄνθρωπος θυμῷ καὶ ἐπιθυμίᾳ κατάληπτος τοσοῦτον ὄλεθρον ἡμῶν
 παρορᾶν καὶ οὐ πρὸς βασιλέα παρέπεμπεν ἐτοίμην ἡμῶν πάγην καὶ ὄλεθρον,
 ὃ τὴν γῆν σείων καὶ οὐρανὸν συνταράσσων, καὶ τὰς ἐτέρων ἀνερευνώμενος
 οἰκίας ἐφ' ᾧτε τοιοῦτον ἀνευρεῖν καθ' ἡμῶν, εἰ καὶ λύκος ἀπῆλθε χανῶν τὸ
 85 τοῦ λόγου δι' ἀκοῆς· τὸ γάρτοι μὴ καθ' ἑαυτοῦ ταῦτα ὑποβλεπομένου κινεῖν
 εἰς ἀπολογία ἀνευρημένον προβάλλεσθαι ὑπὸ τῶν σοφωτάτων ἰκανῆς παρα-
 νοίχς ἐλέγξει μεγίστης τοὺς τούτων λήρους· τῷ ἐπὶ Νικολάῳ πρωτοσπαθαρίῳ
 καὶ Θωμᾷ τῷ ἐκ Τεγέας τῆς Πελοποννήσου πρωτοσπαθαρίῳ οὐς ἐνταῦθα
 Συμβάτιος ἐμφορούρος παρέπεμπεν ἔγκλημα τούτοις ἐπάγων τὸ εἰς βασιλέα
 90 αὐτὸν ἐνδιαβάλλειν καὶ διάδημα πεποικηκότα, οἷς καὶ τὸν φημιζόμενον ποιητὴν
 Χρυσόχον ἐπ— [f. 96] ἀπέστειλεν ὁ τοῖνον τοσαύτης μὴ φεισάμενος καὶ
 οὕτω τρανοτάτης κατηγορίας· ἄρα γε εἰ τὸ προκομιζόμενον γραμμάτιον ὡς
 ἄλλην Ἀρσενίου χεῖρα εὐπόρει λαβῶν τί οὐκ ἂν ἐπεποιήκει; Πόθεν δὲ καὶ
 λαβῶν ἔχει ὁ ἀλιτήριος οὗτος εἰπάτω. Διὰ τὴν μοιχείαν αὐτοῦ εἰς τὰ
 95 Σπουδίου ὑπὸ τοῦ πατριάρχου φρουρεῖσθαι ἀπέσταλτο, καὶ τοῦτο γνωστόν·

αὐτῷ ὡς ἐξ ἑμῆς ἐπεπόνθει ἐπισκῆψεως τοῦτο· ὁ τοίνυν πρὸς βρασιλέα κατὰ
 τοῦ Πατρῶν μητροπολίτου γραμμάτιον σκευωρήσας ἐπὶ χρημάτων συλήσει
 δημοσιῶν ἐφ' οἷς καὶ ἐάλω συκοφαντίας ὁ δειλαίος· ἄρα εἰ καὶ ἐμοῦ τοιοῦτον
 τι εἶχε πῶς οὐ προτιμότερον ἐπεποίητο τὸν ἐμοῦ ὄλεθρον βασιλεῖ ἐπιδοῦναι
 τοῦ προφανῶς τοῦτον συνέχοντος, εἰ μὴ τῷ ἦττονι ἐπεχείρει· ἀλλ' οὐκ εἶχεν, ¹⁰⁰
 ὅτι οὐπω ἂν ἐπεπλήρωτο τῶν εἰς ὕστερον ἐπιδεδωκότων αὐτῷ χρηστῶν
 ἀδελφῶν τὸ πονήρευμα· εἰπάτω οὖν πόθεν ἢ πότε τοῦτο λάβοι καὶ παρὰ
 τίνων; τὸ γάρτοι ἐκ Συμβατίου εἰληφέναι αὐτὸ καὶ κατὰ τοῦτον καιρὸν, ὅτε
 καὶ οἱ ἄγαν ἀπονενοημένοι καὶ ἀσεβεῖς ἐπιγνώμονες ἑαυτῶν καθίστανται
 τοιαῦτα κακουργεῖν καὶ οὕτως ὀπλίξειν καὶ κατ' ἐκείνου, ὃ θερμότητι ¹⁰⁵
 δάκρυσι δι' ἐπιστολῆς σφοδρὰν ἐποιεῖτο ἐξομολόγησιν. ἀξίον συγγνώμης τυχεῖν
 ἐφ' οἷς ἀβουλήτως κακοθελῶν ἀνθρώπων ἀνάγκαις τὴν εἰς ἡμᾶς ἐνεστήσατο
 ἔχθραν ὁ οὕτως τὸν ἑαυτοῦ ἔλεον διὰ τῶν αὐτοῦ γραμμάτων ἐνώπιον ἡμῶν
 ἐκχέων· ἄρα πίστις τῇ μὲν τὸν ἔλεον ἀφ' ἡμῶν ἔλκειν τῇ δὲ ἀπηνῶς τὰ ¹¹⁰
 πρὸς ἡμᾶς διατιθέμενος ἔχθρον τοσοῦτον ἀσκειν καθ' ἡμῶν βιβλίῶν ὄλεθρίων
 ἡμῶν ἐπιδοῦσι. εἰ τοῦτο λόγου ἐχόμενον προσεχέσθω, εἰ δὲ ἡ ἀδικία ἐψεύσατο
 ἑαυτὴν τὸ τῆς ἐπιφορᾶς τὸ ἀπὸ τοῦδε λοιπὸν παρ' ὑμῶν· ἀλλὰ γε πυνθάνομαι
 ὡς ἐμβροντησίᾳ φερόμενος ὁ καχόσχυλος οὗτος περιάγει τοὺς ἐρασιλοιδόρους
 ἀναψύχων ὡς ἔχα παρασχέσθαι μάρτυρας εἰς ἐπήκοον αὐτοῖς Συμβατίον ¹¹⁵
 μαρτυροῦντας τὸ πλαστογράφημα τοῦτο ἀνεγνωκότα· ἀλλ' ἔτι καὶ οὗτοι
 πλαστοὶ οὐχ ἦττονες τῆς δολογραφίας αὐτόθεν ἔστι μαθεῖν ἐρῶ· μάθωσάν
 γε ποτε βέλτιστος Συμβατίος ἀνεγνώ ὑμῖν τὸ ἐπιστολίδιον τοῦτο φίλος εἰ
 ἔτι μένων πιστός ἢ πρὸς τὴν ἔχθραν ἡμῶν ἀποκλίνας καὶ παντοίως ἡμᾶς
 βλάπτειν ἐνεσκευασμένος; ἀλλ' εἰ μὲν φίλος, κακοδαίμονέστατος οὗτος ἀπάντων ¹²⁰
 ἂ πρὸς τιμῆς αὐτοῦ καὶ ἀπόρητα μένοντα εἰς καιρὸν μὴ ἐχεμυδιῶν σωτηρίως
 ἑαυτῷ, ἀλλὰ τοῦ καιροῦ προεξανιστάμενος κονιορτὸν συμφορῶν ἐπαγεῖρων
 τυραννικόν, εἰ δὲ τῆς ἔχθρας ἦδη ἀναφλεχθείσης ἄρα οὐκ ἐμφορνεστέρον τὸν
 παντοίως ἡμᾶς βλάπτειν διεγνωκότα· τὸ μὲν τῆς ὑμετέρας ἀκοῆς πρὸς οὐδὲν
 τίθεσθαι, πρὸς βασιλέα δὲ ἀναπέμπειν ἀναντίρρητον ἡμῶν ὄλεθρον. [f. 96v] ¹²⁵
 ἐγὼ μὲν οἶμαι καὶ οὐκ ἀφρόνας οὐδ' ὥσπερ ὑμῖν πέπλασται φοβεῖν ἡμᾶς
 φόβον, οὐ φόβος οὐκ ἔστιν δι' ἀφροσύνην ὑμῶν· πλὴν ὀποτέρως ἔχει ἢ φιλοῦντος
 ἡμᾶς Συμβατίου ἢ καὶ ἐχθραίνοντος; ἐπεὶ τὸ πρὸς τυραννίδα ἡμῶν γραμ-
 μάτων ὑπαλεῖφον αὐτὸν ἀκούσατε, χρόνου δὲ τοσοῦτου παρῳχηκότος οὐ πρὸς
 βασιλέα ἐφωράσατε, κατείχετε δὲ παρ' ἑαυτοῖς ἀνεκλάλητον, οὐκ ἀτιμώρητον ¹³⁰
 δίκαιον ἀπολυθῆναι ὡς συνεργοὶ καὶ ἐπίβουλοι τῶν κατὰ τοῦ κυρίου ἐπανι-
 στάντων καὶ κατὰ τοῦ Χριστοῦ αὐτοῦ, καὶ οὕτως ἀπαλεύεσθαι μισθὸν
 ἔνδικον ἀπενεγκάμενοι χρηστῆς ψευδομαρτυρίας· ἀξίός γε ὁ ἐργάτης τοῦ
 μισθοῦ αὐτοῦ, ὥσάν καὶ κατὰ τοῦτο ὁ μακάριος κροτεῖτο Δαβιδ' ἐν τῇ
 παγίδι φάσκων, ἢ ἐκρυψαν, συνελήφθη ὁ ποῦς, καὶ ἡ πρὸς θεὸν αὐτοῦ ἔντευξις
 ἔργῳ ἐκπληρωθεῖη κατὰ τὰ ἔργα τῶν χειρῶν αὐτῶν εὐχομένου δὸς αὐτοῖς ¹³⁵
 κύριε καὶ τὸ ἀνταπόδομα αὐτῶν ἀπόδος αὐτοῖς ὡς ἐκατέρως τυφλώττους
 πρὸς τὰ τῶν κυρίου ἔργα, καὶ πρὸς γε τὰ ἑαυτῶν, οὐς τὸ καταλύειν,

ἀλλὰ μὴ οἰκοδομεῖν κακὸν ἐὼντας τῷ βίῳ ὑπόδειγμα καὶ τῆς προφητικῆς εὐχῆς συνεργὸν καὶ τῆς τοῦ κινουῦντος αὐτὸν θεοῦ πνεύματος κατοχῆς οὐκ ἀνάρμοστον ὡς πρὸς θεοπέθειαν ἐκκαλοῦμενον.

94.

Апологетик

Этот апологетик произнесен в то время, когда пытались при помощи писем примазать ему построенное на плястографии обвинение в какой-то тирании в Пелопоннесе.

Не к чести мне составлять апологию, по поговорке „из-за вымысла фантазий“, и бог-отец говорит, что это случилось с ним: „Онемел и унижен и смолк о благе и скорбь моя возобновилась“. Что за необходимость противопоставить негодьям нашу пристойность обольщая душу, разбавляя, как в харчевне, вино беспорочности водой злодейства? Но, чтобы не дать основания, что мы уличены безгласием по признанию за собой того, что наклеветали на нас, — мы выскажем строгое и простое и согласное с нашим характером. Достаточно уже по времени произносить защитительные речи вместе с Сократом, сыном Софрониска. Теперь я в первый раз, пожалуй, и в последний — да не победит клир преступников — подвергаюсь клевете в установлении тирании на основании подделки грамот, я, достигший семидесятитрехлетнего возраста. Кто я? Архирей первого и величайшего престола, занимающий второе место по патриархе, с детства изощряемый по божьей милости в самых прекрасных добродетелях и в безупречном образе жизни, зримый как некий светильник благочестия всеми в духе Христовом.

Да не будет зависти и обвинения в самовосхвалении, так как по необходимости из-за обвинителей эти речи, а не по хвастливости и самомнению, ибо и Давид выставляет свои подвиги против зверья, еще до этого никому неизвестные, совершив единоборство против хвастуна Голиафа, и божественный Павел возвестил о чудесных подвигах и о восхищении до третьего неба. Он говорит: „Я безумец и хвастун. Ясно, что вы меня к этому принудили. Ведь — говорит он — вам бы надлежало хвалить меня“. И вот апостольское слово кстати для нас. Скажу, конечно, и сам я, позаимствовав у него: „Вам бы надлежало хвалить меня, вам, которым известны мои дела. И каковы они? Почтенны, целомудренны, для всех завидный пример, и их вы поносите, им делаете вред; но не дано руке грешников столкнуть меня, и не поносить меня безумцу, не безумцу уже, конечно; а это так, — да и к тому же замаранному всякой нечистью всякого зла, какое только бывает в думе зловредной, какое только бывает в теле, и притом он обнаруживает

косноязычность, как приметку этих свойств. И не простая это речь, но и злостные обвинители. Кричит весь Пелопоннес об этой гадине, и особенно архиепископ города Патр в Пелопоннесе, потому что и ему устроен подлог — под его руку написан документ о наследстве, как и многие другие вкусили его подлости. И чтобы не говорить впустую и для кого-нибудь непонятно: мудрым судом главы божьей церкви осужден на семилетний срок, из-за развратных языков изгнан из божественных церквей. И оставить без внимания столько и таких похвальных деяний, быть поруганным от своих церковнослужителей, защищаться как раз при обнаружении такого позора? Не противно ли это богу и взирающим на бога? И какая причина, что мои церковнослужители выступили с обвинением в этом против меня? Воздаяние злом, ибо мы следуем за благом, воздерживаемся от общения с преступлением неких людей. Разве не должны бы они заботливо чтить истолкователя этих деяний и обращаться благосклонно и беречь тех, которые знают благо истолкования похвального, или уже бессовестно представить на суд царю и сопутствовать злодеянию своим ненавистным и поспешным сочувствием, связаться с преступником? Но обратимся к обвинению. У Симватия, говорят, на основании вашего письма донесение к царю, и это достоверно, основанное на заверенных документах вашей руки. Я же, если и ни один закон не отвергает подлинности заверенных документов, а также и совокупности признаков, — все же могу возразить, хотя и мягко, так как полны судопроизводства подобными злодеяниями — и столько дней! — они распознаются и уличаются, хотя и похожи на подлинные документы. Разве благоразумные доверяют еще им и откроют двери подобным махинациям? Хотел бы я этого. Справедливой же мыслью полно слово. Как скрыться сочинителям этих подлогов, доносчикам на самих себя, которым и самим надлежит погибнуть или коварно губить на основании подобия грамот, что и произошло с детьми Герода, сына Антипатра, по безумию Дориды, их родной сестры. Посмотрим только на то, что относится к Симватию. Скажи, по крайней мере, каким образом в этом дерзком деле я вошел в сношения с Симватием, какой дружбой к нему руководился я и какими корыстными целями? Какой цены донесение? Я муж первого ранга среди епископов, мог ли поднять на подобную дерзость человека, известного мне только по имени, едва только пытавшегося войти со мной в дружбу? Не по этой ли причине я воспользовался первым письмом? Или я уже так ошибся в расчете, что изведал в письмах о том, что с трудом передается из уст в уста, и это при таком пространственном расстоянии и в грамотах, запечатанных восковой

печатью, и через людей, знакомство с которыми не было испытано мной продолжительно и достоверно, и держание которых не было установлено опытом и временем? Почему же я мог преступно дерзнуть на получившего от бога царскую власть, в особенности когда он прилагает честь к нашей чести, за что мы в величайшей мере причислили его великое и боголюбивое деяние к церковному миру, выражая надежды на его долголетнюю власть, какое мнение живет в народе? А я поступил так вредно и пагубно в отношении его? Но кто и с какой целью пустился на подобные выдумки? Это дело безумцев и беспринципных монахов. Не осмеивал ли я их всяким смехом, не издевался ли всегда над ними, называя их апокалюптиариями (*ἀποκαλυπταρίους*)? Или, достигнув границы жизни, скатился я проклято до суетных дел и ложных безумных деяний? Что же и могло быть после этого? Непримируемая вражда произошла у нас, и мы безжалостно двинулись друг на друга. Что заставило этого Симватия, человека, одержимого гневом и страстью, пропустить такую нашу пагубу и не сообщить царю о приготовленной нами западне и гибели (О, сотрясающий землю и возмущающий небо!)? Он следит за домами других, так что ему было бы кстати открыть подобное и против нас. Или и волк отступил, разверзнув пасть, по поговорке. Но разве он, обсчитавшись, не дал против себя благоразумным следственного материала в апологию, чтобы уличить в величайшей бессмыслице клевету на них? Дело идет о Николае Протоспафарии и Фоме Протоспафарии из Пелопоннесской Тегеи, которых Симватий сюда послал под стражей; он возвел на них обвинение в том, что они строят козни против самого царя и диадемы. К ним присоединил он и славного поэта Хрисохоа. Итак, он не остерегся от такой столь ясной лжи обвинения. Действительно, если он взял ту представленную грамоту, чтобы приладить как бы другую руку Арсения, чего ему сделать? А откуда он мог взять, пусть скажет этот проклятый. По причине разврата он был сослан патриархом в Студийский монастырь под стражу, и известно ему, что он по моему настоянию испытал это. Он сочинил к царю грамоту против митрополита города Патр по поводу ограбления казенных денег, и был он, негодный, уличен в клевете. Если же и против меня он имел бы что-нибудь подобное, как бы он с величайшей готовностью не передал бы мою пагубу царю, если бы он этим располагал и если бы не сделал чего хуже? Но он не имел материалов, потому что не было еще изготовлено злодеяние добрыми братьями, позднее предоставленное ему. Пусть он скажет, откуда или когда или от кого это происходит. Оно происходит от Симватия и в то время, когда они

явные безумцы и безбожники, вошли между собой в соглашение сделать подобное злодеяние и вооружить таким образом при помощи того человека, у которого произошло в письме горячее раскаяние с жаркими слезами, чтобы добиться прощения достойных; таким образом безрассудно под влиянием злонамеренных людей поднял вражду против нас тот, кто так изливал свое сожаление в своих грамотах перед нами. Вот и доверие к тому, кто, с одной стороны, добывается от нас сострадания, а с другой — враждебно расположен, к нам, питает к нам такую вражду, что передает гибельные для нас книги. Если разумно, да обратят внимание, если же это обольщение неправдой, то все остальное в доносе принадлежит вам. Но я знаю, что этот негодяй, подстрекаемый безумцем, обхаживает и воодушевляет клеветников, чтобы иметь возможность представить свидетелей, которые будут показывать, согласно с подручным им Симватием, доложившим эту плястографию. Но что эти самые выдумки не ниже долографии, это отсюда можно узнать. Я скажу: узнайте-ка, когда Симватий доложил вам это письмецо, оставался ли он еще верным другом или склонялся к вражде к нам. Но если друг, он самый зловредный из всех. Что было у него в цене и оставалось до времени тайной, он благоразумно не разглашал, но во-время выступил, подняв тиранническую пыль несчастий. Если же вот вспыхнула ненависть, не было ли благоразумнее ему решить совершенно погубить нас: ни во что поставить вашу осведомленность, но к царю послать неопровержимые доказательства нашей гибели. Я же думаю, безрассудно из-за ваших выдумок нам бояться страха, где нет страха, по неразумию вашему. Разве только вот вопрос: по любви ли к нам Симватия или по вражде? Когда вы услышали, что он сочиняет грамоту с обвинением в тираннии, — а прошло столько времени — вы не отправили вора с личным к царю, а придержали у себя неразобранным и неотмщенным судебное дело, как сообщники и единомышленники восставших против господина и самого Христа, и таким образом присуждены к тому, чтобы вас постигла справедливая кара за хорошее лжесвидетельство. Достоин ведь делатель платы своей, как по этому поводу бряцал на гусях блаженный Давид, говоря: в петлю, где они ее скрыли, попала их нога; и выступление его против бога да возместится на деле; по делам их рук, по моей молитве, воздай им, господи, и возмещение дай им, так как они с двух сторон слепы: на дела господни и на свои собственные, они разрушают, а не строят, давая плохой пример для жизни, не согласный с пророческой молитвой, несовместимый с воздействием движущего жизнь святого духа, призывающего к божественному послушанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- v. 2—3 Заметка схолиаста рукописи о теме Апологетика.
- v. 2 πλαστογραφία — подлог документа. Как термин πλαστογραφία сопоставляется с термином дологораφία (v. 116), в котором разумеется и подчеркивается коварный умысел подлога.
- v. 4 τὸ ἀδόκιμον вводит поговорочное выражение: ὑπὲρ ὑπονοίας φαντασιῶν.
- v. 5—7 Цитата из псалма 38, ст. 3.
- v. 7—8 τὸν οἶνον τῆς ἀκαχίας τῷ ὕδατι καπηλεύοντα τῆς πανουργίας восходит к поговорочному выражению.
- v. 10—12 При этой фразе на поле рукописи: τὸ ἐξῆς οὕτως· ἀρχτέον δὲ ἡμῶν συναγορεύουσι κατὰ καιρὸν Σωκράτει τῷ ἀπὸ τοῦ Σωφρονίσκου.
- v. 14 ἀρχιερέως рукоп.
- v. 21—24 Фраза апостола Павла, 2 Corinth., 12, 11.
- v. 33 τὸ θηρίον — гадина, т. е. зверь в приложениях к эмее; разумеется доносчик Симватий.
- v. 34 συμβόλαιον — заверенный документ при участии табулария (см. главу о табулариях в „Книге епарха“). В данном случае речь идет о подложном завещании, ср. 49—51.
- v. 37 τὸ πρόστιμον-ζημία, известно, как существительное, в данном месте πρόστιμος = наказанный. Судя по следующим строкам, Арефа говорит о самом себе, что он подвергся лишению сана; ὑπὸ σοφῇ κρίσει τῆς τοῦ θεοῦ κατάρχοντος ἐκκλησίας сказано с иронией — σοφῇ. Главой церкви в то время был патриарх Феофилакт.
- v. 43—44 ταῖς τινῶν ἀμαρτίας μὴ κοινωνεῖν ἀνεχόμενοι одно из объяснений вражды духовенства, приводимое Арефой, дальше он называет себя ὑφηγῆτης τούτων, т. е. τῶν ἐπιαιετῶν: истолкователем похвальных поступков; т. е. сознательный исполнитель похвальных поступков.
- v. 49 χρηματισμός — донесение.
- v. 50—54 Ценная характеристика нравов и судопроизводства в Византии в X в.
- v. 55 τῇ τοιαύτῃ μηχανουργία σπουδῇ cod. Mosq., lege τῇ τοιαύτῃ μηχανουργίας σπουδῇ.
- v. 56 θυμοῦ δὲ δικαίου μεστός ὁ λόγος — гномическое выражение, приводится как пословица.
- v. 58—60 Пример из древности. О Герде Асколоните, см. Euseb. Hist. eccles., 1, 6, 2—3, 7, 11, о Дориде и об ее интригах Joseph. Ant. XIV, 300; Bell. I, 241, 432 ff., 451, 473, 568 f., 587, 590, 619. Δωρίδος τις ἀνεδέλφου — чтение cod. Mosq.
- v. 61 θαρρέω, поднимать на дерзкое дело; в данном случае вовлекать в тираннический заговор.
- v. 63 τῷ μέχρις ὀνόματος μόνον γνωρίμῳ. Симватий был известен Арефе только по имени и еще только пытался войти с ним в дружеские сношения τῷ ἄρτι μοι πρὸς φίλαν τούτον καθίστάν επιχειρουμένῳ.
- v. 67 Послания Арефы были запечатаны восковой печатью διὰ γραμμάτων κυρῶν κατασσημασμένων.
- v. 70—72 Арефа характеризует свои чувства к Роману: τιμὴν πρὸς τιμὴν ἡμῶν τούτου ἐνηργηκότων δι' αὐτὸ καὶ πρὸς τὴν ἐκκλησιαστικὴν εἰρήνην τὸ μέγα καὶ θεοφιλέστατον αὐτοῦ ἔργον τῷ πλείστῳ μέρει τούτῳ συνεβαλλόμεθα.

Он (Роман) прибавлял почесть к почести Арефы, „за что мы к церковному миру причислили его деяния“, — говорил Арефа. Связь почестей Арефы и церковного мира органическая. Под церковным миром разумеется тот факт, что в июле месяце 920 г. 8 индиктиона, в воскресный день по воле Романа совершилось единение церкви, было установлено согласие между митрополитами и кли-

риками, сторонниками, с одной стороны Николая, с другой, Евфимия (Theoph. Cont. I, VI, § 2. Ἰουλίῳ δὲ μηνὶ ἰνδικτιῶνος ἡ ἡμέρα κυριακῆ ἢ τῆς ἐκκλησίας παρὰ Ῥωμανοῦ γέγονεν ἔνωσις ἀπάντων ἐνωθέντων μητροπολιτῶν τε καὶ κληρικῶν τῶν ἀπὸ Νικολάου πατριάρχου καὶ Εὐθυμίου διεχισμένων).

Карьера Арефы действительно зависела от этого события: он подвергался постоянным нападкам, как сторонник четвертого брака Льва VI и проповедник многобрачия. В приведенном тексте Апологетика имеется указание на прославление императора (συνεβαλλόμεθα) за его θεοφιλέστατον ἔργον. Интересно сопоставить: Московская рукопись № 162 (ff. 2—7) сохранила неопубликованное произведение Феофана архиепископа Кесарии Каппадокийской ἐξήγησις εἰς τὸ προοίμιον τοῦ κατὰ Λυχνά ἀγίου εὐαγγελίου καὶ εἰς τὴν σύλληψιν τοῦ ἀγίου Ἰωάννου Προδρόμου, в котором восхваляется тот же самый церковный мир. Праздник „зачатия“ приходился на 23 сентября, с июля по сентябрь могло уже практически восстановиться согласие между расколовшимся духовенством, так что на праздник „зачатия“ кстати было держать речь о церковном мире. Приводим начало толкования: «Χαίρετε ἐν κυρίῳ μετὰ τῆς θείας σάλπιγγος· ἐγὼ σήμερον, ἀδελφοὶ φθέγγομαι· χαίρετε πάντοτε· χαρὰς γὰρ ἡμετέρας κοινῆς· ἢ τῆς εἰρήνης ἐφέστηκεν ἡμέρα, ἐν ἣ πάντα μὲν ἔχθρα τῆς ἐκκλησίας, πάντα δὲ μικροψυχία ἐξελήλαται, πάντα δὲ χαρὰ καὶ εὐφροσύνη τῇ πνευματικῇ ἀγάπῃ συνετέληλυθεν· ἐπεὶ χριστὸς τῇ (cod. ἡ) εἰρήνῃ ἡμῶν εἰργάσατο τὰ ἀμφοτέρα ἐν: διὸ καὶ τῶν οἰκείων ἡδὴ υπεράλλομαι ὄρων καὶ χάριν ὁμολογῶ τοῖς τὴν εἰρήνῃν ἡμῶν μαχόμεσι λόγοις».

(„Радуйтесь в господа с божественным трубным гласом. Я сегодня, братие, возглашаю: радуйтесь всячески, ибо обща наша радость; наступил день мира, когда изгнана всякая вражда из церкви, всякая низость; всякая радость и ликование сомкнулись в духовной любви, так как Христос миром привел к единству ту и другую нашу партию; поэтому и я вот возвышаюсь над границами моих личных дел и благодарность согласую со словами, повившими у нас мир“. Эта речь могла принадлежать только участнику раскола, лично заинтересованному в мире (ἔχθρα μικροψυχία, ἀμφοτέρα ἡμῶν и особенно τῶν οἰκείων ἡδὴ υπεράλλομαι ὄρος слова) и очень подходила бы к Арефе. Вместе с тем мы знаем, что Арефа при Романе занимал положение архиепископа Кесарии Каппадокийской. В вводной части были уже приведены основания для отождествления имен Феофана и Арефы: Феофан — это имя Арефы в монашестве. Все данные у нас поэтому — считать εἰσήγησις произведением самого Арефы. Способом согласования имен Феофана и Арефы объясняется, почему имени Арефы нет у историков, хотя он был очень видным политическим деятелем, но есть имя Феофана. Этим же согласованием имен объясняется и то, что у разнообразных произведений Арефы церковного содержания почти ничего не сохранилось под его именем. Произведения Арефы нужно искать также и под именем Феофана, архиепископа Кесарийского.

Объяснение вражды между Арефой и монахами (μοναχῶν ἀσπρήκτων). Вражда эта была до такой степени ожесточенная и упорная, что Арефа дал им особое прозвище, как бы боевую кличку против монахов ἀποχαλυπτάριοι. О напряжении вражды говорит выражение v. 111 ἔχθρας ἀσπόνδου ἡμῶν μεσιτεύσασθαι.

Симватий занимался доносами τὰς ἐτέρων ἀνεργυώμενος οἰκίας. Арефа упоминает имена пострадавших от Симватия: протоспафарии Николай и Фома, поэт Χρυσόχοος митрополит г. Патр.

λύκος ἀπ᾽ ἄλλου χανών — поговорочное выражение, взятое из басни.

λῆρος, — любимое выражение Арефы, обозначающее предельное безумие; это слово он, между прочим, прилагает к учению Юлиана Отступника и Эпикура.

ὡς ἄλλην Ἀρσένιου χεῖρα, — воспоминание об Арсени, участнике заговора против

Романа Лакапена в первые годы правления Романа. См. у продолжателя Феофана (I. VI, 3): ἐμηνύθη γὰρ παρὰ Λέοντος ἀνθρώπου τοῦ Ἀρσενίου ἢ αὐτοῦ Ἀρσενίου ἐπιβολὴ καὶ Παῦλον μαγγλαβίτου· οἱ τυφθέντες καὶ δημευθέντες ἐξωρίσθησαν.

- v. 95 Студийский монастырь служил местом ссылки преимущественно духовных лиц.
- v. 97—98 ἐπὶ χρημάτων συλήσει δημοσίων — нужно понимать так, что σύλησις χρημάτων δημοσίων было содержанием доноса.
- v. 105—106 Нужно понимать так, что Симватий после, вероятно, заточения в Студийском монастыре вымаливал в письмах прощения у высших церковных лиц — и в частности у Арефы.
- v. 113 ἐμβροντησία — собственно „поверженность громом“; как термин] безумия у Арефы также в приложении к безбожникам.
- v. 115 τὸ πλαστογράφημα ἀνεγνωχότα — технический термин доноса.
- v. 120 ἃ πρὸς τιμῆς αὐτοῦ καὶ ἀπόρητα μερόντα — прикрываясь личной дружбы, Симватий собирал материалы против Арефы и до времени не разглашал их.
- v. 120 При этом тексте на поле рукописи Ση-σημεῖον — знак внимания к этому месту Апологетика византийских читателей.
- v. 121 После χοινοτόν в рукоп. ἴσον αὐτῷ = ἴσον αὐτῷ, т. е. в той копии текста, которая воспроизводилась переписчиком, в этом месте значилось αὐτῷ. Переписчик, устранив это слово из текста, как ненужное, пометил ἴσον; такого рода исправления переписчик Московской рукописи обычно делает на полях.
- v. 125—126 φοβεῖν φόβον — поговорочное выражение.
- v. 128 ὑπαλείπειν — как термин клеветы, вполне соответствует нашему „примазывать“.
- v. 129—130 ἀνεκλάλητον οὐκ ἀτιμώρητον δίκαιον — Арефа хотел бы царского суда, а не простого решения церкви: дело не было разобрано и осталось без отщипения клеветникам.